

Моему отцу, Яну Леону Катлеву,
любителю полной Луны.

Это высокие слова; мы должны быть
уверены, что заслужили их.
Вслушайтесь, как они звучат:
«Я тебя люблю».

Джулиан Барнс

ПРОЛОГ

Далила уперлась руками в сырую кирпичную стену туалета и расставила ноги, чтобы клиент смог протиснуться в кабинку. Вместе с каблуками ее рост составлял сто восемьдесят сантиметров, мужчина был гораздо ниже и не представлял собой ничего выдающегося. Ему не сразу удалось войти в ее плоть; он схватил Далилу за шею и дернул вниз, чтобы облегчить проникновение. Она не испытывала дискомфорта. Если клиент проявит излишнюю жестокость, сутенер, который контролирует ситуацию с обзорной точки у железного забора, тут же прибежит и остудит его пыл.

Она замерзла. Вообще-то она мерзла постоянно, с того самого момента, как приехала сюда около года назад; лето или зима, она не ощущала особой разницы, когда ветер забирался под пуховик и добирался до ее голых бедер. Но сейчас было хуже, чем обычно. Этот январь месяц побил все исторические рекорды холода. Местные говорили о «ледяной зиме». Если бы кто-то поинтересовался ее мнением на этот счет, она предпочла бы назвать такую погоду «ледяным адом». Но никто не интересовался. Кожа на щеках обветрилась, глаза слезились. Зато под ногами забавно хрустело, когда она прогуливалась вверх и вниз по ули-

це Скельбэк, а парки из-за холода совсем вымирали по ночам, так что можно было спокойно обслуживать клиентов.

Она подалась вперед и прижалась к мужчине вплотную, напевая про себя какую-то мелодию и размышляя о том, какой подарок послать сыну на день рождения. Может быть, машинку, красного цвета, с пультом дистанционного управления. Ему должно понравиться.

Освободившись от семени, мужчина разразился потоком бессвязного бурчания.

Далила откинула голову назад и посмотрела на луну. Это была та самая луна, которая вставала в небе Ганы, она пробуждала то же томление. Скоро полнолуние.

Она не заметила бездомного, пока клиент неожиданно не закричал:

— Вали отсюда! От тебя несет мочой!

Он замахнулся на бродягу, даже не думая отпустить Далилу.

Бездомный стоял очень близко и странно покачивался. Для бомжа он был слишком приличен, но даже в темноте она заметила, насколько он бледный. Кажется, наркоман. Характерный отсутствующий взгляд вряд ли являлся следствием перебора с алкоголем.

— Помогите!

Шепот бездомного прозвучал так глухо, что почти растворился в стогах клиента. Но если и существовало слово, которое Далила поняла бы на любом языке и слышала бы на любом уровне громкости, то это было именно оно.

Она послала бездомному вопросительный взгляд, но бедняга, казалось, не замечал ее. Шатаясь, он открыл рот, словно собирался сказать что-то еще. Глазные яблоки закатились и полностью скрылись под

верхними веками, руки лихорадочно задержались, сухой хрип послышался из глубины широко раскрытого рта.

Затем его начало рвать, обильно и надсадно.

Изрыгаемые массы были темные и вонючие. В перерывах между двумя спазмами он открывал рот в беззвучном крике, обращенном к луне. Язык его был окровавлен, ротовая полость как будто разодрана в клочья. Он весь словно плавился на глазах.

Он рухнул; сначала осел на колени, затем тяжело приземлился лицом в снег. Под землей прогудела городская электричка.

Клиент натянул штаны и бросился к забору в сторону Нёрре Вольдгэде.

— Эй, чувак, ты забыл заплатить! — Далила кричала в основном для того, чтобы ее услышал сутенер. Уж он-то позаботится о том, чтобы выцарапать деньги у плутишки, прежде чем тот запрыгнет в свой «универсал» и рванет домой куда-нибудь в пригород, с облегченными шарами и свежевывдуманными историями о городских похождениях.

Она выудила из кармана влажную салфетку и вытерла вагинальную смазку с ягодиц, а затем наклонилась и потормошила бездомного.

— Эй! Эй, дружок, ты в порядке?

Жуткая вонь и вид травмированной ротовой полости хорошенько встряхнули ее.

— Чувак, да ты тут околеешь.

Никакой реакции не последовало.

Она огляделась, но поблизости никого не обнаружила. Не заметила она и фигуры человека, притаившегося в кустах всего в нескольких метрах за ее спиной и тихо наблюдавшего за происходящим.

Катрине Энгберг

Холодный прозрачный лунный свет озарял снег. Она склонилась над беднягой и, приложив кое-какие усилия, перевернула его на спину. Аккуратно отогнув полу куртки, она принялась искать.

Вот и кошелек. Наличных в нем было порядочно, насколько Далила могла оценить. С левого запястья бездомного она сняла удивительно элегантные часы.

Запахнув сокровища к себе в трусики, она до самого горла застегнула пуховик и быстро направилась под свет фонарей.

ГЛАВА 1

Четверг, 28 января

— Да. М-м-м, хорошо. Парк Эрстеда? Выезжаю.

Следователь полиции Йеппе Кернер проснулся от звука собственного сонного голоса, прорезавшего январскую темень спальни.

Он встал с кровати. Рутинные действия были отработаны до автоматизма и почти не требовали осмысления: принять душ, непродолжительный и прохладный, натянуть кальсоны под джинсы, сунуть в карман записную книжку, нахлобучить шапку на коротко подстриженную шевелюру. Через семь минут после телефонного звонка он уже стоял в прихожей перед зеркалом, застегивая молнию на флисовой толстовке. Пытаясь собраться с мыслями и пробудить умственные способности.

Размытое отражение в зеркале покачивалось. Загар еще не сошел, хотя Йеппе вернулся в родной мрак и холод уже две недели назад. Поездка оказалась лучшим событием, которое он когда-либо инициировал ради самого себя: четыре недели в Западной Австралии, на побережье от Перта до Брума. На путешествие была потрачена основательная часть сбережений, но значимость этой поездки невозможно было измерить в денежном эк-

виваленте. Он отправился туда сломленным человеком, страдающим от болей в спине, впавшим в полную зависимость от опиатов. Утратившим веру в любовь и надежду на будущее. А теперь он вновь в строю.

Йеппе снял с крючка ключи от машины, проверил наличие в кармане рабочего удостоверения и заряженного телефона и захлопнул за собой дверь. От холода у него едва глаза не заledenели. Мороз проникал под одежду, просачивался под кожу и медленно, но верно вытягивал оптимистичный настрой. Вся жизнь застыла вокруг, момент ледяного оцепенения все длился и длился. Йеппе изо всех сил старался сохранить жизнелюбие, обретенное на противоположной стороне земного шара.

Промерзший двигатель завелся лишь с третьей попытки. Йеппе оставил его прогреться на холостом ходу, а сам тем временем принялся энергично счищать с ветрового стекла ледяные узоры. На первой скорости он вырुлил на дорогу между коттеджами и по заснеженному шоссе потихоньку двинулся в сторону города. Часы показывали половину четвертого утра, улицы Копенгагена напоминали декорации, оставшиеся после съемок фильма про Апокалипсис.

На пересечении Фаримасгэде и бульвара Г.Х. Андерсена Йеппе пропахал снежную целину в направлении тротуарного бордюра и остановился перед парком Эрстеда. Коекак запарковался. За железной оградой парка виднелся свет — видимо, специалисты из НЦК, Национального центра криминалистики, уже прибыли и врубили свои мощные фонари. Йеппе вошел в зону оцепления, кивнув паре полицейских, поставленных на входе, и направился к детской площадке, расположенной неподалеку от ворот.

Группа криминалистов в синих костюмах сконцентрировалась вокруг какого-то силуэта на снегу перед туалетом. Подойдя ближе, Йеппе увидел, что это силу-

эт человека. Мертвого человека. Тело лежало, свернутое в позу эмбриона: спиной вовне, колени подтянуты к грудной клетке. Туловище будто обернулось вокруг того места, где некогда располагалась пуповина, — этот участок тела коченеет в последнюю очередь, когда человек замерзает насмерть. Жизнь покидает наше тело в той же последовательности, в какой проникает в него.

Йеппе вздохнул. Очередная потеря.

К нему направился один из мужчин, облаченных в синие костюмы. Йеппе узнал в нем Лима 11, ведущего специалиста по техническим работам на месте преступления. Его первым вызывали при обнаружении тела, он определял дальнейший план работ.

— Кернер, рад тебя видеть.

— Благодарю. Что у нас имеется?

Йеппе невозмутимо промокнул слезящиеся глаза перчаткой. Проклятый холод!

— Похоже, бомж. Перебрал спиртного и замерз насмерть. Облевал все вокруг и улегся поспать.

— Понятно. Что-тостораживает?

— Пока нет. Однако свидетелей не выявлено, точная причина смерти не установлена, у умершего не оказалось при себе удостоверения личности. А потому на данный момент я вынужден признать этот смертельный исход подозрительным. Стандартная схема.

— Кто его обнаружил?

Лима 11 сверился с записями у себя в блокноте.

— Патруль из участка Сити обнаружил тело в 01:54, прибывший на место врач «Скорой помощи» официально констатировал смерть в 02:21. Криминалисты приехали в начале четвертого и сразу принялись за дело при свете своих фонарей. Хреново работать, когда так темно и скользко.

— Судмедэксперт на месте?

Лима 11 кивнул на долговязую фигуру у туалета. Это Ньюбо, сомнений быть не могло. Ведущий судмедэксперт, профессор судебной медицины, он имел слишком солидный стаж для того, чтобы быть вызванным и явиться в парк Эрстеда посреди ночи.

Вынув из кармана блокнот, Йеппе направился к нему.

— Привет, Ньюбо. Чем обязаны честью?

Это был высокий мужчина, которому всю жизнь приходилось наклоняться к собеседникам, так что в итоге у него скривилась шея. В центре его седой шевелюры уже обозначилась лысина. Но авторитет во взгляде оставался неизменным, и уверенность в себе ничуть не пострадала.

Он обернулся и слегка кивнул.

— Я совершенно не могу спать зимой. В период с октября по март я превращаюсь в настоящего полуночника. Тьма все равно не дает мне заснуть, так почему бы и не поработать? — Ньюбо провел рукой по редким волосам. Он выглядел уставшим. Продрогшим насквозь. Йеппе захотелось предложить ему свою шапку, но он сдержался. Ньюбо вряд ли одобрил бы такую заботу. — На снегу обнаружены следы от подошв, криминалисты уже сняли отпечатки и приступили к их изучению. Но тут в парке по ночам кто только не шляется, так что едва ли нам стоит связываться с этой находкой особые надежды.

— И что же нам известно на данном этапе?

— Пока не особо много, мы ведь только-только приехали. Но у меня имеется вполне обоснованное предположение, что речь идет о бездомном, который облевал себя какой-то алкогольной дрянью, а затем угодил в объятия Госпожи Метелицы. К сожалению, каждую зиму бывает по несколько подобных случаев.

Йеппе едва не поперхнулся.

— То есть мне, в общем-то, и не было особой нужды сюда ехать?

— Нет. Нам необходимо осмотреть тело и решить, надо ли проводить вскрытие. Я, впрочем, считаю, что обойдется без вскрытия. Мы скоро увезем труп. Не вижу никаких оснований для того, чтобы ты ехал с нами.

— Уверен?

Ведущий судмедэксперт глянул на Йешпе так, словно тот произнес бранное слово.

— Я передам результаты осмотра патрульным из Сити, чтобы они могли вставить эту информацию в рапорт.

— Хорошо. Я тут все-таки немного осматрюсь.

Нюбо любезно кивнул.

— Конечно. Ты пока нам не мешаешь.

Он натянул перчатки и сел на корточки перед трупом. Йешпе бросил взгляд из-за плеча судмедэксперта.

Тело лежало головой к туалету. Лицо было скрыто всклокоченными темными прядями волос, выбившимися из-под шерстяной шапки. Йешпе разглядел лишь гладко выбритые щеки и светлую кожу, мерцающую в свете мощных рабочих ламп. Край шапки смыкался на задней части шеи с воротом вязаного свитера, поверх которого было надето темное шерстяное пальто — оно вполне вписалось бы в образ какого-нибудь элегантного бизнесмена, если бы не изобилие нашивок и пятна рвоты.

Я вполне мог бы оказаться на его месте, пришло в голову Йешпе. Он на несколько шагов отступил от тела в темноту. Если бы окружающий мир не захватил его с новой силой, что могло бы с ним случиться? Год назад в канун Нового года его существование было вдребезги разбито изменой жены, последующие несколько недель он провел на диване у своего лучшего друга, Йоханнеса, а остальную часть времени — в полубреду под действием психотропных препаратов. Абсолютная чернота. Но жизнь вновь увлекла его за собой. Последний Новый год он отметил в окружении красных скал непо-